

ВЕСЕЛИЕ РУСИ

XX ВЕК

П Р О Б Е Л - 2 0 0 0

Коллектив авторов

**Веселие Руси. XX век. Градус
новейшей российской
истории. От «пьяного
бюджета» до «сухого закона»**

«Пробел-2000»

2007

УДК 94 (47) 19
ББК 63.3 (2) 6

Коллектив авторов

Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории. От «пьяного бюджета» до «сухого закона» / Коллектив авторов — «Пробел-2000», 2007

В предлагаемой книге московские историки коллективными усилиями «погружаются» в стихию алкогольного вопроса в России. Читатель может последовать за ними по ступеням важнейших этапов истории XX века: революции и мировые войны, строительство коммунистического общества и закат советской империи. Эпохи – как пороги великой и могучей Белой реки, по которой уже многие века странствуют вожди и народные массы любезного Отечества. Исследование адресовано как ученым приверженцам беспристрастной статистики, так и тем, кто привык познавать реальность в тумане художественных образов. Всем, кому интересен нетрадиционный подход к традиционным проблемам русской истории.

УДК 94 (47) 19
ББК 63.3 (2) 6

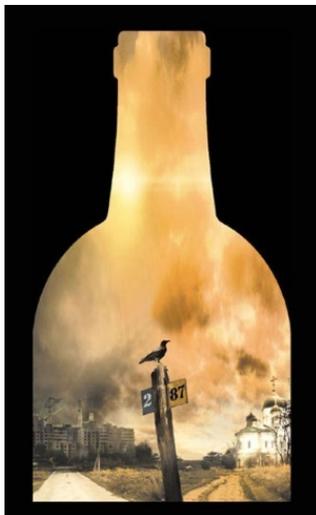
© Коллектив авторов, 2007
© Пробел-2000, 2007

Содержание

Вместо введения, или О князьях, царях и питиях	6
I. Винная монополия	27
Глава 1	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Веселие Руси. XX век

Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона»

Авторский коллектив: к.и.н. В.Б. Аксенов – руководитель авторского коллектива («Вместо введения», глава 5); д.и.н. В.Э. Багдасарян (главы.2, 3, 12); д.и.н. В.Н. Горлов (глава 11); д.и.н. И.В. Курукин (главы. 8, 10); д.и.н. А.Я. Лившин (глава 9); д.и.н. И.Б. Орлов (главы 1, 7); д.и.н. С. А. Павлюченков (глава 6); д.и.н. В. Л. Телицын (глава 4).

Вместо введения, или О князьях, царях и питиях

В.Б. Аксенов

Книга, которую Вы держите в руках, посвящена вопросу всем известному и даже непьющим понятному. Сколько научных дебатов, дискуссий, да и просто пьяных споров велось на темы «пить или не пить», «пить вредно али нет», «если пить, то сколько», «если не пить, то как же жить» и т. д. и т. п. В пылу жарких обсуждений и тумане противоположных мнений не увидеть конца-края этому поиску, не достичь сколько-нибудь приемлемого заключения. Создается впечатление, что выступающие сознательно углубляют, расширяют и актуализируют данную тему, желая придать «питию» еще большее значение. Можно смело констатировать лишь одно: «homo» пил, пьет и будет пить. А вопросы о том, что пьет, сколько, как долго и по каким причинам, растворяются в поднятом спорщиками дымом.

Вместе с тем, если рассматривать питье в историческом контексте, становятся понятными его социокультурные корни, причины столь значительной роли в общественной и даже политической жизни. Употребление спиртных напитков, как коллективное, так и индивидуальное, началось много тысяч лет назад. Оно являлось неотъемлемой частью культуры древнего мира, а значит, имело большой смысл.

В отношении российской истории вопросы питья нередко предстают и вовсе как национальная проблема, чувствительнейшее место соотечественников. Статистика свидетельствует, что по числу уличных правонарушений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, Россия в начале XX века занимала первое место среди европейских стран. Да и в отечественной печати тема пьянства являлась одной из центральных. Правда, зачастую за разговорами о народном пьянстве в начале прошлого века скрывалось неприятие реформаторской деятельности правительства. Отсюда – не всегда оправданное обострение «пьяной» темы.

Авторы настоящей работы, отказавшись от попыток морализировать по поводу этой сложной моральной (а в некоторых случаях достаточно аморальной) проблемы, решили осветить ее историю в России XX века. Цель была поставлена непростая – исследовать роль алкоголя, исходя из тройного значения этого продукта: во-первых, как феномена культуры с его социально-коммуникативной функцией; во-вторых, как препарата, помогающего человеку уйти от реальности и разрушающего, при злоупотреблении, психику индивида; в-третьих, как инструмента в руках власти для извлечения экономической и политической выгоды.

Ушедший XX век оставил в памяти народа как величайшие взлеты России, так и головокружительные падения ее граждан. Социально-политическая история России прошлого столетия была выражено противоречива и во многом назидательна для всего мирового сообщества. Однако отечественный опыт погружения в стихию хмельных волн в исторической литературе оказался представлен поверхностно, и уж тем более, за рамками монографических исследований осталось питье как социальный феномен.

В предлагаемой читателю книге социально-политическая история не заслоняется разговорами о народном пьянстве или антиалкогольной политике властей. Наоборот, важнейшие социально-политические события рассматриваются в связи с феноменом выпивки. Авторы монографии попытались сквозь призму основной темы исследования взглянуть на всю отечественную историю XX столетия, что позволило обнаружить в ней ряд новых и немаловажных деталей.

Алкоголь в мировой традиции

Появление алкогольных напитков тесно связано с космогоническими представлениями тех или иных народов, со сложившейся системой верований. Учитывая, что древнейшие цивилизации образовывались вокруг великих рек (Шумеро-Аккадское царство в междуречье Тигра и Евфрата, цивилизация Египта по берегам Нила, древнекитайская культура по течению Хуанхэ, Индия на Инде и Ганге), культ воды занимал в них особое положение. Вода и утоляла жажду людей, и давала жизнь возделываемым полям – неслучайно мелиорационные сооружения в этих культурах поражают воображение своими техническими достижениями. Зависимость от воды приводила к ее обожествлению. По берегам рек строили святилища. В Египетском царстве мир людей и мир богов разделялись Нилом.

Однако древняя кулинария очень скоро открыла тайну приготовления напитков, отличавшихся особым воздействием на человеческий организм. Люди не испытывали физиологической потребности в употреблении этих напитков (как, например, в питьевой воде), но они оказались весьма кстати при совершении древних обрядов. Алкоголь вводил жреца в состояние аффекта, и тому казалось, что он сближается с богами. Кроме того, богам, помимо животных, преподносилась и пища. Алкогольные напитки среди жертвоприношений занимали особое положение – как дар, являющийся человеческим открытием. Вместо питьевой воды люди жертвовали, дарили богам волшебную жидкость, обладающую особыми свойствами.

Определенные технические и материальные трудности, связанные с производством алкоголя, делали его ритуальным напитком, который не употреблялся простыми людьми в повседневной жизни. Именно поэтому пьянство как социальный феномен не было известно архаичным обществам и древнейшим цивилизациям.

Разнообразие спиртных напитков определялось географическими и климатическими особенностями. В жарких регионах, богатых виноградом, процветало виноделие. Почетом пользовались сухие или полусладкие вина. В северной части Европы, где виноградники не росли (да вино и не могло удовлетворить потребность в том, чтобы согреться), варили более крепкое зелье из ягод, грибов и пр. Тем не менее одним из древнейших алкогольных напитков является, по-видимому, пиво. Как свидетельствует культурное наследие Месопотамии, именно пиво выступало центральным и обязательным элементом пира.

В памятниках дописьменного периода часто встречаются изображения пирующих, в письменных источниках также типичны упоминания нескончаемых пиров. Пир, без преувеличения, являлся важнейшим социальным мероприятием. В Междуречье пир сопровождал все более или менее значимые события в жизни как людей, так и богов. В изобразительной культуре они оставались одним из самых распространенных и любимых мотивов творчества вплоть до I тысячелетия до н. э.¹

Пир как коллективное действо, был строго регламентирован. Существовала определенная последовательность употребления напитков и других занятий пирующих. Нередко на пирах происходили игры, носившие сакральный характер. Впоследствии их религиозно-мистическое значение стерлось, уступив место спортивно-состязательному. По-видимому, это соответствовало этапу, на котором социальное начинало преобладать над религиозным, общественная жизнь приобретала приоритет, зарождалось антропоцентристское мировоззрение.

Что касается Междуречья, то пиво там получило особенно широкое распространение в III тысячелетии до н. э. Появилась и своя традиция питья: пиво пили через тростниковые трубочки, ко – торые опускали в большой сосуд. Такой способ можно охарактеризовать как «индивидуальный», когда каждый опустошает свою чашу. При этом в архаических обществах более

¹ Клочков И. С. Пир в литературе и искусстве Месопотамии // Одиссей. Человек в истории. Трапеза. М., 1999. С. 54.

распространенным было совместное употребление напитка из одной большой чаши, которую пускали по кругу. Такое круговое питье имело огромный смысл – устанавливало связи между пирующими, сплачивало их в единую социальную группу.

Пиво являлось главным элементом пира и у северных народов, в частности, в Скандинавии. Древнескандинавские пиршества – «вейцла» – были центральным событием религиозной жизни северных народов. В первых веках нашей эры сакральный характер «вейцл» уступил его социально-политическому значению. Когда конунг посещал пир, на нем решались важнейшие вопросы, связанные с управлением, улаживались конфликты, во множестве возникавшие в то время, совершались возлияния в честь языческих богов и т. д.² Пиршество становилось важной формой человеческого общения, регламентация пиршества как социального мероприятия приводила к утверждению общественной иерархии. Согласно тому, какое место за столом занимал пирующий, можно было судить и о его положении в обществе. Поэтому нередко на пирах возникали жестокие конфликты за право сидеть как можно ближе к конунгу. Но это того стоило, так как в случае победы привилегированное место могло закрепиться за всем родом, повысив его знатность.

Облагораживание диких сортов винограда началось в Малой и Передней Азии и в Египте с IV тысячелетия до н. э. Однако в междуречье Тигра и Евфрата виноградное вино появляется позже, и до начала II тысячелетия до н. э. не имеется бесспорных свидетельств о его производстве³.

Философия античности открыла эпоху антропологических воззрений, когда человек оказался в центре философских систем. Сакральное стало частью культуры, было отделено от социального. Поэтому и пиршества из сферы культовых мероприятий перешли в сферу общественных. Их правила стали более совершенными, их роль в общественной жизни возросла. «На протяжении всего существования греческого полиса основной формой общения, не связанной с участием в политических институтах, были совместные застолья, пиры (симпозионы)... Участие в них было обязательным составным элементом времяпрепровождения греческой знати»⁴. Как и в предшествующие времена, пир не был стихийно протекающим празднеством. Ему соответствовал устоявшийся ритуал. Начинался симпозион с возлияния в честь греческих богов. Правда, эти возлияния, в отличие от архаических периодов, носили символический характер, были данью традициям. Затем следовала священная песня. Полагалось выпить за всех присутствующих, а также за отсутствующих друзей. Для того чтобы пир протекал по сценарию, выбирался его руководитель – симпосиарх.

Во время пира могли вестись философские беседы, устраиваться состязания в искусстве красноречия, игры на музыкальных инструментах. Главная цель подобных пиршеств – получение удовольствия от коллективного общения. Поэтому существовали и шуточные игры. Например, надо было из килика (неглубокого сосуда для вина) выплеснуть несколько капель так, чтобы попасть в соседнюю чашу. Эта же игра перешла к римлянам – тоже большим любителям винопития. При том, что греческие пиры протекали в достаточно свободной атмосфере, пристойным считалось выпить столько, чтобы без сопровождающего добраться до своего дома. В греческих полисах существовали и свои особенные традиции. Так, например, в демократических Афинах распространенным был переход от одного стола или пира к другому. Согласно закону гостеприимства, не принято было прогонять вновь прибывших гостей, даже если они уже были изрядно навеселе.

В античности возделывание виноградников занимало особое положение в сельском хозяйстве и виноделие было наиболее доходной его отраслью (земледелие занимало лишь

² Гуревич А.Я. От пира к лону // Одиссей... С.9.

³ Клочков И. С. Пиры в литературе и искусстве Месопотамии... С.54.

⁴ Свенцицкая И. С. Пиры как форма общения в классической и эллинистической Греции // Одиссей... С. 63.

шестое место по рентабельности)⁵. Чаще всего вино настаивали на изюме. Перебродившее в течение 5-10 лет, оно разливалось в амфоры, каждая из которых была снабжена ярлыком с указанием года и места производства, цвета и наличия сладких добавок. Хранились амфоры в подвалах, где ради удобства счета расставлялись в форме треугольника.

О высокой роли вина в культуре античности свидетельствуют всевозможные технические изобретения, связанные с виноделием. Так, существовали специальные «холодильники» для охлаждения вин, представляющие собой глиняный сосуд в сосуде. Кроме того, вино с добавлением целебных корней использовалось в медицинских целях, а для его подогрева применялось особое устройство типа самовара.

И в Греции, и в Римской империи ценилось темное красное вино. По-видимому, уже тогда оно считалось более полезным и целебным, чем белые сорта. Красное вино редко подавалось к столу неразбавленным – как правило, в него добавляли воду или лед. Бывало, что в полуопустошенную чашу с разбавленным вином еще доливали воду. Таким образом, правило «чем больше пьешь, тем больше пьянеешь» не действовало, так как доля вина в чаше со временем уменьшалась. Пьянство, хоть и было известно античности, обществом не приветствовалось. Философия умеренности и сдержанности не допускала злоупотреблений, в том числе, и алкогольными напитками. Поэтому, оставаясь в ряду исключений из правила, отдельные случаи пьянства никогда не приводили к постановке вопроса о прекращении древней традиции симпосионов. Потребление вина в античности было велико. Даже раб получал ежедневно 600 мл легкого деревенского вина вторичной выжимки.

В римский период торговля вином стала привилегией Италии. Она поддерживалась императорами до тех пор, пока Проб не разрешил неограниченное разведение винограда и в других провинциях Римской империи. Экспорт вина из империи достигал Скандинавии и Индии, а кельты отдавали иногда за каждую амфору раба. Квалифицированные рабы-виноградари ценились втрое дороже, чем рабы-земледельцы. В различные времена ценились разные сорта марочных вин, однако хиосское вино неизменно славилось среди греческих вин, а фалернские – среди италийских. Большой популярностью пользовалось и плодородное вино из яблоч, груш и фиников⁶.

Являясь частью культуры, питье было тесно связано и с языческими воззрениями. Греческий бог виноградарства и виноделия Дионис, именуемый также Вакхом, был известен римлянам под именем Либера. Существовал особый культ Диониса. В Аттике в его честь проводились празднества, известные как дионисии, ленеи, анфестерии. Служительницы этого культа – менады или вакханки – устраивали массовые оргии, на которых сексуальные сношения сочетались с попойками. Несмотря на то, что у культа Диониса было много достаточно влиятельных противников (Ликург, Пенфей), ему удалось распространиться вплоть до Индии. Древние греки сумели соединить в этом культе два удовольствия: секс и вино – чем и объясняется столь высокая его популярность.

С культом Диониса были связаны и народные сельскохозяйственные гуляния – праздники сбора винограда. Их сюжеты получили широкое распространение в искусстве античности. Изображения праздничных процессий во главе с Дионисом и его свитой из сатиров встречаются вплоть до христианской эпохи.

Древнейшие спиртные напитки на Руси

Употребление алкогольных напитков было распространено и среди славян. Как и в древнем мире, питье у них было связано с религиозными воззрениями. Пиршества проходили, как

⁵ Словарь античности. М., 1989. С. 104.

⁶ Там же. С.105.

правило, во время принесения жертв языческим богам. Сложив в жертвенном месте свои дары (животных и растительные продукты), славяне старались умиловить богов, молясь на пиру о том, чтобы боги благосклонно отнеслись к дарам и приняли их. Они наполняли жертвенную чашу и пускали ее по кругу, произнося при этом заклинания от имени языческих богов или просто поднимая черпала и чаши в их честь⁷.

Питие было связано также с культом умерших. Языческие тризны являлись последним этапом похоронного обряда, состояли из жертвоприношений, военных игр, состязаний, борьбы и поминального пиршества. Впоследствии термин «тризна» стал употребляться и в отношении христианского культа, однако в древней Руси тризна противопоставлялась христианским обычаям. Перед своей смертью «первая христианка» Руси княгиня Ольга «завещала не творить по ней тризны, ибо имела при себе священника, который и похоронил блаженную Ольгу»⁸.

Спиртными напитками древних славян были вино, мед, квас, пиво, березовица. Сложно сказать, какой напиток стал им известен первым. В. Похлебкин относит первые упоминания о вине к IX веку, в то время как известия о меде – к X⁹. В то же время не вызывает сомнения тот факт, что алкоголь употреблялся славянами и ранее, в VI–VIII веках, когда складывались социальные отношения внутри славянских племен и формировались языческие представления. Можно предположить, что первыми спиртными напитками славян были те из них, которые получались вследствие естественного, или холодного, брожения и не требовали каких-либо специальных действий со стороны человека, то есть наиболее примитивные в технологическом плане. К таким пьянящим напиткам относится березовица пьяная (самопроизвольно забродивший сок березы), мед ставленный (естественно забродивший мед диких пчел с соком ягод) и некоторые другие.

Пиво, тоже хорошо известное на Руси и приготавливавшееся в таких пивных районах, как Новгород, Псков, верхнее Поволжье, появилось, по-видимому, несколько позже, в силу более сложной технологии приготовления. Квас также являлся алкогольным напитком и по способу приготовления (варка) был близок к пиву. Квас обладал достаточно сильным алкогольным воздействием, что позволяло современникам пьяниц именовать квасниками. Да и в современной разговорной речи глагол «квасить» означает употреблять спиртное, в то время как в литературной речи – подвергать кислому брожению.

Учитывая, что первыми занятиями восточных славян были собирательство и бортничество, справедливо предположить, что мед ставленный являлся одним из самых распространенных напитков. Это подтверждает и то значение, которое играли бортные деревья, пока на Руси в XIV веке не появилось пчеловодство. Ценность меда была высока настолько, что нередко бортничество выступало движущей силой колонизации, заставляя славян осваивать новые земли, богатые лесами.

Значение хмельного питья на Руси подчеркивается и в русских былинах. К примеру, в былине об исцелении Ильи Муромца медоставу (ставленному меду) приписаны живительные свойства:

Приходили калики перехожие,
Они крест кладут по-писаному,
Поклон ведут по-ученому,
Наливают чарочку питьеца медвяного,
Подносят-то Илье Муромцу.
Как выпил-то чару питьеца медвяного,

⁷ Славянская мифология. Энциклопедический словарь М., 1995. С. 312.

⁸ Се повести временных лет (Лаврентьевская летопись). Арзамас. 1993. С.72.

⁹ Похлебкин В.В. История важнейших пищевых продуктов. М., 2001. С. 66–67.

Богатырско его сердце разгорелось,
Его белое тело распотелось.
Воспроговорят калики таковы слова:
«Что чувствуешь в себе, Илья?»
Бил челом Илья, калик поздравствовал:
«Слышу в себе силушку великую»¹⁰.

Виноградное вино на Руси было импортным. Его привозили либо торговцы, либо русские князья в качестве дани и военной добычи. В 911 году состоялся поход Олега на Царьград (Константинополь). Византийские цари Леон и Александр запросили мира, и Олег обложил их данью. В договоре отдельно предписывалось византийцам давать прибывшим из Руси торговцам «месячное на шесть месяцев: хлеба, вина, мяса, рыбы, плодов»¹¹. Примечательно, что вино в договоре упоминалось на втором месте после хлеба, что говорит о его значении среди продуктов. Помимо употребления во время еды, оно играло роль и при исполнении культа. Откупились вином от рати Владимира Мономаха в 1111 году на Дону и жители половецкого Шаруканю, отдав князю рыбу и вино. Получение вина в качестве дани было одним из основных способов его импорта.

Отдельные исследователи полагают, что виноградное вино было настолько распространено на Руси в X веке, что было доступно даже простым людям¹². Это может объясняться исключительно тесными торговыми связями Руси с южными странами, в первую очередь, с Византией и юго-западными соседями: болгарами, валахами, а также частыми военными кампаниями киевских князей.

Военно-политическое значение трапезы

При том, что алкогольные напитки всевозможных видов были достаточно распространены, по общему мнению исследователей, пьянства как социального порока в домосковской Руси не было. В то же время и по сей день существует версия, будто бы пьянство, являющееся особенностью бытия русского человека, уходит своими корнями еще в древность. При попытке найти «историческое» подтверждение данному тезису вспоминают, естественно, «первого пьяницу» – князя Владимира – и его вошедшие в историю слова. Согласно легенде, в 986 году Владимир, выбирая веру для Руси, отказал послам от ислама под тем предлогом, что «на Руси есть веселие пити, не можем без того быть»¹³. Отсюда и пошел гулять по литературе миф о князе-пьянице и о таком же народе. В действительности смысл слов великого князя можно без труда понять, вспомнив религиозное и социальное значение пиршеств в древней мировой традиции.

Индивидуальные выпивки как таковые в древней Руси не были распространены. Во-первых, хотя бы потому, что приготовить питье одному человеку было чрезвычайно трудно, так как требовало больших физических и материальных затрат. Мед и пиво варили всем миром, и потом всем миром же их и употребляли. А значит, готовить хмельной напиток нужно было в большом количестве, для чего и существовали огромные котлы, в которых варили мед и пиво. Эти котлы впоследствии стали символом всего великого, большого. Именно с пивным котлом сравнивается величина головы Идолища поганого в русской былине:

¹⁰ Русские былины. М., 2002. С. 12.

¹¹ Се повести... С. 52.

¹² Прыжов И.Г. Указ. соч. С. 34.

¹³ Се повести... С. 80.

*Голова у него, как пивной котел,
А меж глаз идет стрела каленая,
А в плечах у вора сажень косая¹⁴.*

Кроме того, пили обязательно по какому-то поводу, чаще всего в рамках языческого культа. А так как ритуалы носили общественный характер, не возникало и повода для одиночного употребления спиртного напитка. Однако возникает вопрос: почему князь использует данный аргумент для отказа послам от ислама? Ведь приняв ислам, русичи бы отказались от языческих праздников, а значит, пропала бы и необходимость массовых религиозных попок.

Но именно потому, что слова эти были произнесены князем, становится понятно их истинное значение. Ведь для князя как предводителя войска и главы государства, политика, первостепенное значение имел вопрос власти и собственного авторитета среди народа. И власть, и авторитет в древнем мире покоились на нескольких основах: принадлежность к известному правящему роду, удачливость, личные сверхчеловеческие качества как знак божественного выбора, наличие преданного окружения, военной силы, на которую князь всегда мог бы рассчитывать. Последнее условие в период, когда путем военных кампаний оформлялись границы Руси, приобретало особенное значение. Без преданной дружины князь не был бы князем. Ядром дружины всегда были верные други князя, среди которых он занимал положение первого среди равных. Эти отношения поддерживались не только в военное время, во время похода, но и после него, когда и князь, и его дружина садились за общий стол пировать. Совместная трапеза скрепляла их дружбу, позволяла расслабиться после военного похода. Нередко на этих трапезах происходил раздел добычи. Чаши с хмельными напитками, особенно пущенные по кругу, укрепляли чувство единения участников пиршества – состояние массового опьянения сплачивало их. При этом, как отмечают знатоки, строгий ритуал пиров у русичей не допускал «буйства во хмелю»¹⁵. Хотя из литературных памятников нам известны исключения, в том числе и случаи буйства опьяневших боярынь, нередко заканчивавшиеся драками¹⁶.

Конечно, и мусульмане пили вино, однако вера запрещала им появляться навеселе в публичных местах. В русской традиции общественные трапезы князя с дружиной были больше чем просто традиция, выступая связующим компонентом между князем и его дружиной. Значит, откажись Владимир от публичного питья хмельных напитков – по сути, от совместных трапез с дружиной – он неизбежно потерял бы доверие дружины как одно из условий своей княжеской власти.

О том, какое значение придавал князь Владимир своим отношениям с дружиной и знатью, говорит отрывок из «Повести временных лет», относящийся к 996 году: «И еще нечто большее делал он (Владимир) для людей своих. Каждое воскресенье на дворе своем и в гриднице установил устраивать пир, чтобы приходили туда бояре и гриди, и сотские, и десятские, и лучшие мужи – и при князе и без князя. Бывало там множество мяса – говядины и зверины, в изобилие были всякие яства. Бывало, что, когда подопьются, начнут роптать на князя: «Горе головам нашим: едим деревянными ложками, а не серебряными». Услышав это, повелел Владимир исковать серебряные ложки для дружины, сказав: «Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиной добуду серебро и золото, как дед и отец мой с дружиной доискивались золота и серебра». Ибо Владимир любил дружину и с нею совещался об устройстве земли, и о войнах, и об уставе земляном»¹⁷.

¹⁴ Русские былины. М., 2002. С. 41.

¹⁵ Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М., 1992. С.58.

¹⁶ См.: Булгаковский Д.Г. Вино на Руси по памятникам народного творчества литературным и художественным. СПб., 1902.

¹⁷ Се повести... С. 106.

Можно привести еще одно объяснение значения «веселия» для князя. В формировании княжеских дружин большую роль сыграли военные традиции скандинавов. Скандинавом был Рюрик, со скандинавской дружиной пришел и Олег в Киев, поэтому и впоследствии варяжский элемент в дружине был достаточно силен. Как известно, одной из военных традиций викингов было употребление перед боем специального отвара из мухоморов. Он вводил воинов в состояние наркотического опьянения, притуплял их чувства и стимулировал физическую активность. Нечто похожее можно встретить и в обычаях русских дружин. В летописях сохранились упоминания устраивавшихся перед боем выпивок. Так, в 1016 году войска Святополка и Ярослава стояли друг против друга по обе стороны Днепра. Святополк накануне битвы «всю ночь пил с дружиною своею»¹⁸, а Ярослав в это время держал совет с воеводами. В конце концов удача оказалась не на стороне Святополка и его войско было разбито. К сожалению, летопись не говорит нам, была ли ночная попойка простой беспечностью князя, уверенного в победе и решившего повеселиться перед битвой, или ритуальным действием, во время которого дружина молила о победе, или же совместной трапезой князя и дружины, на кото – рой решались тактические задачи. Вполне возможно и то, и другое, и третье вместе, тем более, что в летописи говорится о жестокой и тяжелой битве на следующее утро, а значит, обе армии были достаточно подготовлены к схватке.

Правда, если традиция употребления алкоголя перед битвой и существовала, то она вызывала нарекания как со стороны церкви, так и со стороны некоторых князей. В своем «Поучении» от 1117 года князь Владимир Мономах специально наставлял: «Выходя на войну... не предавайтесь ни питью, ни еде, ни сну...»¹⁹ Примером нарушения «Поучения» стали события в 1377 году у реки Пьяна. Когда на Русь пришло известие о нашествии хана Араб-шаха (Арапша), навстречу ему вышло объединенное ополчение князей московских, владимирских, нижегородских, ярославских и др. Однако в предполагаемом месте хана они не встретили, и, то ли на радостях, то ли по каким другим причинам, началась массовая попойка. Араб-шах так и не появился, но вместо него неожиданно пришло войско самого Мамаю и разбило беспечных русских князей, многие из них утонули в Пьяне. По поводу побоища летописец попытался невесело скаламбурить: «По истине за Пианую пиани».

Печально известным фактом злоупотребления спиртным стала и осада Москвы Тохтамышем в 1382 году, вскоре после победы Дмитрия Ивановича Донского на Куликовом поле. Горожане, оставшиеся в осажденном городе без князя, не придумали ничего другого, как устроить пьяный погром. Были взломаны все боярские погреба, и началось массовое уничтожение меда, пива и вина. Когда весь спиртной запас был употреблен и заняться больше оказалось нечем, москвичи вдруг вспомнили об осаждавших город татарах и решили с ними договориться. Они пригласили в город послов, однако по «понятым» причинам забыли закрыть за ними ворота и даже не выставили около них охрану. Вслед за послами в Москву ворвались вооруженные татары и перебили почти все население.

Однако, как бы то ни было, традиции пиршеств являлись пережитками языческой Руси, и христианская церковь не одобряла чрезмерных выпивок, хотя открыто и не могла выступить против традиций, поддерживаемых князьями. Но примеры воздержания от хмельного питья всячески церковью отмечались и представлялись ею как истинные человеческие добродетели. Так, например, когда в 1093 году скончался князь Всеволод Ярославич, летописец объяснял его благоверность и боголюбие тем, что тот «воздерживался от пьянства и плотских утех»²⁰. В то же время о пьянстве как пороке каких-либо князей речи не было в силу все того же огромного значения коллективной трапезы, пира на Руси. Правда, князья, прислушиваясь к

¹⁸ Там же. С. 115.

¹⁹ Там же. С. 162.

²⁰ Там же... С. 150.

церкви, придерживались принципа Владимира Мономаха, высказанного в его «Поучении»: «Еде и питью быть без шума великого» и «Блюдите себя от лжи, пьянства и блуда, от них ведь душа погибает и тело»²¹.

Пирь и братчины

Выпивка была связана также с русской земледельческой традицией. Причем обилие яств и питья на пиру рассматривалось как свидетельство трудолюбия хозяина или хозяев. Ведь для того, чтобы приготовить медовар или пиво, необходимо было собрать мед, ячмень, хмель, да еще в таком количестве, чтобы напоить всех гостей. Кроме того, на пиру помимо выпивки подавались всевозможные кушанья, богатство и разнообразие которых также было прямо пропорционально затраченному труду. Поэтому нередко «социальное признание» приходило к человеку на пиршестве, где гости восхваляли результаты его труда. Неслучайно в русских былинах рассказ о богатырях начинался с восхваления их земледельческой работы; связь с матерью-землей была обязательным условием богатырской доблести. В былине о Микуле Селяниновиче представлен цикл занятий русского богатыря. Примечательно, что на вопрос об имени-отчестве Микула начинается ответ Вольге Всеславьевичу с рассказа о подготовке пира-братчины:

А я как ржи напашу да во скирды сложу,
Домой выволочу да дома вымолочу,
И я драни надеру да и пива наварю,
Пива наварю да мужичков созову,
Мужичков созову да и допьяна напою,
Тут станут мужички меня здравствовать:
«Уж ты здравствуешь, Микула Селянинович!»²²

То есть именно на подобных пирах проходила социальная идентификация русского мужика-богатыря.

Среди русских трапез можно выделить два типа по способу организации. В первом случае хозяин, как правило достаточно богатый, чаще князь или боярин, устраивал пир за свой счет и приглашал на него гостей. Пир второго типа назывался братчиной или ссыпчиной и устраивался простым людом. Устроители собирали со всех приглашенных хлеб или иные продукты, которые либо оставляли для пира, либо продавали, а уже на вырученные деньги заготавливали все необходимое. Термин «ссыпчина» возник в связи с тем, что приглашенные часто приносили зерно, которое ссыпалось в одно место, а затем использовалось по усмотрению устроителей. Тем не менее строгого разделения между пиром и братчиной не существовало. Даже при приглашении на частный княжеский пир от гостей могли потребовать внесения какого-либо вклада, как правило, денежного.

Князья, которым приходилось заботиться о поддержании своего авторитета среди посадского населения, могли устраивать пиры не только дружинам, но и горожанам. Особенно частым устройством пиров отличался Изяслав, князь Киевский, который в середине XII века вел усобицу со своим дядей князем Юрием и Ольговичами, а потому, добываясь признания и поддержки посадского люда, вынужден был следовать традиции пиршеств. Так, собирая в Новгороде ополчение против Юрия, Изяслав со своим сыном Ярославом осенью 1148 года решили дать пир Новгороду: «Посла-ста подвойскем и бориче по улицам кликати, зовучи к

²¹ Там же... С. 160–162.

²² Русские былины М., 2002. С. 209.

князю на обед от мала и до велика»²³. Учитывая заинтересованность князя в задабривании новгородцев, от которых нужно было собрать ополчение (до того новгородцы поддерживали Юрия), а также массовый характер пира, на который были приглашены все желающие от мала до велика, можно предположить, что от гостей не требовался какой – либо вклад. Князь предполагал, что в случае успеха военной кампании затраты с лихвой окупятся, да и собственное политическое спокойствие было дороже потраченных средств.

Помимо политического значения, княжеские пиры исполняли и социально регламентирующие функции. Нередко во время пира приглашенные князя били челом великому князю, просили разрешить разгоревшиеся споры, что мы уже видели на примере скандинавских традиций. Одной из традиций на пиру было хвастовство: приглашенные князя, часто приукрашивая, рассказывали о своих деяниях. Эти рассказы не воспринимались как ложь или обман, захмелевшие гости с удовольствием выслушивали истории, речь в которых шла о подвигах и успехах сотрапезников. Совместное застолье создавало и скрепляло политические союзы. Пирующие на великокняжеском пиру чувствовали свое особое значение. Наоборот, неприглашение на пир воспринималось как оскорбление и могло считаться началом опалы. В былине о ссоре Ильи Муромца с киевским князем Владимиром причиной ссоры стало то, что великий князь не пригласил Илью на свой пир. В ответ Илья решил устроить собственное пиршество, на которое созвал всю нищенскую братию. У Ильи не оказалось средств для того, чтобы за свой счет накормить гостей, поэтому он предложил:

Выходите-ка, голи кабацкие,
А на ту площадь на стрелецкую,
Подбирайте маковки да золоченые,
Подбирайте вы кресты серебряны,
А несите-ка в дома питейные,
Продавайте вы да серебро-золото,
Покупайте бочки зелена вина,
А другие бочки пива пьяного,
А третьи бочки меда сладкого²⁴.

Начавшаяся братчина была противопоставлена княжескому пиру, что весьма огорчило и встревожило Владимира, потому что, во-первых, это ослабляло его авторитет среди посадского населения, а во-вторых, потому, что братчина могла перерасти в городские пьяные беспорядки. Князь попытался пригласить Илью за свой стол, однако вернуть расположение обидчивого да к тому же захмелевшего богатыря оказалось непросто.

Братчины и сыпчины были земским явлением, частью повседневной жизни земледельческого населения. Как и в античном мире, они строго регламентировались. Для этого до начала пира избирались пировые старосты, государи. Естественно, что во время пира, который мог длиться не один день, были возможны преступления. В этом случае пострадавший подавал пировому государю жалобу, на основании которой устраивался суд братчины. Правда, этот суд не был окончательным, и после завершения пира дело могло быть пересмотрено на княжеском суде. По-видимому, серьезные уголовные преступления, такие, как дела об убийствах, на братчине не рассматривались²⁵.

²³ Цит. по: *Прыжов И.Г.* Указ. Соч. С. 34.

²⁴ Русские былины. М., 2002. С. 54–55.

²⁵ *Попов А.Н.* Пир и братчины // Архив историко-юридических сведений относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. М., 1854. Кн. 2. Ч. 2. С. 33.

Братчины имели свой сценарий, который не обходился без скоморохов. Пир протекал параллельно музыке, пляскам, пению песен. Частенько и пляски, и песни носили сексуальный характер, создавая вероятность превращения благовидной трапезы в безобразную оргию, благо тому способствовал градус всеобщего веселья. Помимо плотских утех, не забывали пирующие и о прочих развлечениях: скоморохи-потешники показывали ученых зверей – медведей и собак – демонстрировали театральные представления в масках. Не обходились братчины и без спортивных мероприятий. К вечеру обязательно устраивалось единоборство, проводились коллективные кулачные бои стенка на стенку и т. д.

Сельские пиршества пользовались огромной популярностью и у служилых людей. Нередко последние вместе со своими слугами специально съезжались на братчины, поселялись в домах местных жителей и так за их счет жили и пировали. Естественно, это вызывало недовольство сельского населения и часто приводило к конфликтам. Поэтому великие князья и цари строжайшим образом запрещали кому бы то ни было являться на пиры без приглашения. Только сами организаторы имели право выбирать, кого они желают видеть, а кого – нет.

За ходом братчины следили русские симпосиархи – пировые государи, но верность патриархальным общинным традициям и проявление языческих оргиастических элементов нарушали сценарий пиршества, хотя и не являлись их обязательным сопутствующим компонентом. Тем не менее церковные иерархи косо смотрели на сельские празднества. Христианская мораль предписывала воздержание не только от плотских утех, считалось, что даже смех как таковой имеет греховную природу. Поэтому пировая традиция оказалась в центре борьбы церкви с пережитками языческого культа. Кроме того, этой традиции не были чужды и некоторые священнослужители, что вызвало организацию внутрицерковных трезвеннических кампаний.

Мирской пир и церковный клир

Принявшая христианство в X веке Русь открыла двери таким культурным процессам, как распространение письменности, начало летописания, развитие архитектуры, иконописи, права и т. д. Через религию проходило оформление единой культуры, системы ментальности, объединяющей жителей земли русской. Способствуя развитию национального самосознания, церковь играла определенную роль и в формировании внешнеполитической доктрины государства, что, в частности, выразилось в борьбе за независимость Руси от ордынских ханов и в последующем объединении русских княжеств под властью Москвы. Распространяя свое влияние на социальную и политическую сферы, русская церковь демонстрировала теократические претензии. Соперничество светской и духовной власти закончилось церковной реформой Петра, превратившего церковь в придаток государственной машины, однако до XVIII века святой клир весьма активно вел борьбу за нормирование повседневной жизни мирян. Последние приняли христианство и в углах своих домов на места оберегов и божков повесили иконы, окончательно так и не порвав с язычеством предков.

Традиции пиршеств оказались вовлеченными в столкновение двух мировоззренческих систем. Так как вино использовалось в культе, при причастии, да и в Библии не раз упоминались возлияния Христа, церковь волей-неволей несла в народ идею употребления спиртного, оговаривая лишь умеренность и воздержание в постные дни. Это, в свою очередь, косвенно создавало условия для укрепления в миру питания не только по поводу социальных бытовых событий (свадеб, крестин, поминок и пр.), но и во время языческих празднеств: сельскохозяйственных (посева, сбора урожая), смены времен года (масленица) и т. д. Проходившие организовано, с выбором ответственных за соблюдение традиций, празднества несли важную социальную функцию, способствовали выработке у селян представлений об окружающем мире, о социальной этике. В этой плоскости происходило пересечение интересов церкви и общинных

традиций, поэтому религиозные деятели обрушивали волны своего гнева и на вино, и на смех, и на прочие радости мирской жизни. Острословы от селян, в свою очередь, отвечали фольклорной сатирой, и в случае завязавшегося состязания в риторике священникам чрезвычайно трудно было переговорить скоморохов, которых церковь начинала воспринимать как своих идеологических оппонентов.

Церковь выступала против скоморошества, являвшегося, в частности, проводником нехристианской половой морали, и против спортивных состязаний, игр (в том числе, шахмат). Если в XIV веке порицались пиры в дни Великого поста, то в начале XVI века всем кающимся и в прочие дни вменялось «уклоняться от всяких песен бесовских, гусель и сопелей, плясання, игр нечистых, особенно от Бога ненавидимых скоморохов, и кудесников, и кощунников, и смеха»²⁶. Отдельным объектом церковной критики являлась сексуальная жизнь средневековых русичей, не соответствовавшая христианским нормам. Церковные служители отмечали, что под воздействием винных паров происходит половое раскрепощение людей, вследствие чего отрицательное отношение церкви к массовым пиршествам со временем укреплялось, оформляясь в антиязыческой или антиеретической борьбе.

Но борьба эта не обходилась без жертв и со стороны ревнителей христианского благочестия. В битвах с «зеленым змием» слагали на столах сражений свои трезвые головы самые преданные воины клира. Еще с конца XII века хмельные баталии стали проникать за монастырские стены, где, как и в миру, устраивались пиры, и распространявшееся по кельям веселье заставляло раскаявшихся по отрезвлению служителей церкви, стоя на коленях, повторять примерно следующие слова: «Господине, Отче, прости меня тако же, что с пьяными и не с пьяными, с сонными женами, и девицами, и со отроками блудил»²⁷. Тем же из святых отцов, кто настолько втягивался в это дело, что даже страх перед пятнадцатилетней епитимьей не мог отворотить их от пьянства и блуда, оставалось только податься в какую-нибудь еретическую секту, проповедовавшую большую свободу естества.

Наиболее стойкие, верные официальной церкви, хранили верность и неофициальным возлияниям. У многих монахов и монахинь в келье под рукой имелось заветное хмельное зелье, которое шло в употребление на частных (как правило, ночных) попойках²⁸. Не без греха оказывались даже принявшие схиму – самые «святые» из монастырской братии. В вопроснике XVI века чернецам и схимникам, помимо сексуальных прегрешений на трезвую голову, упоминались и пьяные соития между схимником и несколькими инокинями: «Не пался ли пьян без памяти с двумя сестрами?»²⁹

Чаще всего пьянством грешили женские монастыри. Их ворота были открыты для представителей противоположного пола, к тому же положение некоторых монахинь позволяло им как покидать монастырские стены, так и принимать в своих кельях гостей. Далеко не всегда у павших братьев и сестер хватало трезвости и благоразумия самостоятельно прекратить «веселие», да и настоятельницам монастырей не всегда удавалось собственными, внутренними силами остановить разыгравшихся иноков и инокинь. Приходилось обращаться в «вышестоящие инстанции». Так, в 1630 году настоятельница Преображенского женского монастыря в Устюге Ульяна вынуждена была обратиться с жалобой к митрополиту Варлааму, сетуя на шумное поведение пьяных гостей-мужчин, которых по ночам принимали монахиня Маремьяна с дочерью Овдотьей³⁰.

²⁶ Из «Правил с именем Маскима» // «А се грехи злые, смертные...» Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России. М., 1999. С. 52.

²⁷ Из «Подавления священноинокам» // Там же. С. 42.

²⁸ Вопрос черницам и схимницам / Там же. С. 81.

²⁹ Из «Вопросов чернецу или схимнику, хотящемуся каяться с тихостью» // Там же. С. 76.

³⁰ Левина Е. Секс и общество в мире православных славян. 900-1700 гг. // Там же. С. 424.

Зная о подобных происшествиях, миряне когда с насмешкой, когда «с пониманием» относились к попыткам церкви вести антиалкогольную пропаганду. На какие бы красноречивые увещевания ни пускались церковные иерархи, они не могли заставить селян во время братчин и ссыпчин отказывать себе в земных радостях.

Царский пир

В XVI веке княжеские пиры перерастают в политическую традицию, становятся частью придворного этикета. Царю уже нет необходимости заботиться о постоянном поддержании своего авторитета среди дружины. Во-первых, сама дружина постепенно исчезает, заменяясь регулярной армией, во-вторых, царь становится заместителем Бога на земле, а не первым среди равных. Тем не менее традиции пиров сохраняются в русской жизни.

Богатые царские пиры, на которые обязательно приглашались иностранные гости и послы, удивляли роскошью, размахом и призваны были познакомить иноземцев с русским гостеприимством. Обычным, даже обязательным делом было напоить приглашенных допьяна так, чтобы к концу пира они оказались лежащими под столом. Для некоторых, кому было в тягость так наесться и напиться, единственным способом сохранить свой разум относительно трезвым оставалось прикинуться пьяным и среди всеобщей попойки сползти под стол.

Царская трапеза была строго регламентирована. После первых блюд с кушаньями следовала первая подача вина. Государь лично посылал каждому из почетных присутствующих кубок, наполненный «фряжским» или «ренским» вином. Очередность подачи кубка свидетельствовала о значимости гостя. Иностранец Маргиерет в XVII веке вспоминал, что «когда обед зайдет за половину и царь разошлет гостям снова по большой чаше с каким-нибудь красным медом, тогда приносят и ставят по столам огромные серебряные ведра с белым медом, который черпают ковшами. По мере того, как одни сосуды опоражниваются, подают другие с напитками, более или менее крепкими, по желанию пирующих. За сим царь посылает каждому гостю третью чашу с крепким медом или ароматным вином, а по окончании обеда – четвертую и последнюю, наполненную паточным медом, напитком весьма вкусным, легким и, как вода ключевая, прозрачным»³¹.

Обязательной традицией на пиру было произнесение тостов. Первая чаша поднималась за здоровье и за братскую любовь того иностранного государя, от которого прибывали послы, потом за многолетнее здоровье самого московского царя, затем за здоровье царевича-наследника, далее за здоровье бояр, послов и т. д. Один из иностранных гостей на царском пиру, Барберини, свидетельствовал: «Заздравные чаши иностранных государей или почетнейших гостей сопровождалась следующими обрядами: в то время, как государь брал у кравчего кубок, стольник, который пить наливал, выступал на середину комнаты и провозглашал тост, причем все вставали, а послы выходили из-за стола. Государь так же вставал, снимал шапку и, троекратно перекрестясь, выпивал кубок, причем послы кланялись. После того государь из собственных рук подавал заздравную чашу гостям, боярам и всем сидевшим за столом. Каждый, по порядку старшинства мест, выходил из-за стола, брал кубок и, отступая на несколько шагов от трона, бил государю челом и осушал чашу»³².

Примечательно, что на роскошных царских пирах гости сидели на длинных деревянных лавках. Эти лавки символизировали единство и братство пирующих. Сесть на одну лавку за один стол значило войти в неразрывное единство, забыть на время все распри и споры. В то же время ближайшие места к царю указывали на высокое социальное положение присутствующих. Нередко за право сесть рядом с царем разгорались жестокие споры. Впоследствии тот факт,

³¹ Цит. по: *Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. I. Ч. II. М., 2000. С. 374.

³² Там же. С. 378.

что чей-то предок сидел ближе к царю, чем предок другого человека, мог привести к тому, что потомку первого отдавалась более высокая должность и его род признавался более знатным. Так называемая система местничества, основа государственного порядка старорусского допетровского общества, была тесно связана с царским пиром. Сам же царь или патриарх восседал на кресле или троне, возвышаясь над всеми присутствующими. Это означало конец эпохи княжеских пиршеств, когда и князь, и его дружина оказывались в равном положении за одним столом. Теперь же, в период становления самодержавной монархии, царю нужно было выделиться из толпы своих вассалов, слуг, и пир выполнял при этом важную социальную функцию.

Винокурное производство и государство

Мы не раз отмечали, что в домосковской Руси пьянства как социального порока не существовало. Тем не менее, с XV–XVI веков до нас начинают доходить известия о массовом народном злоупотреблении спиртными напитками. Связано это, в первую очередь, с технологическим развитием. В XV веке массовым становится производство алкоголя из зерна злаковых растений. Традиционные естественные способы получения хмельных продуктов становятся малопривлекательными по причине их трудоемкости, необходимости тратить много времени на сбор ягод или меда. Земледельцам проще и выгоднее было добывать алкоголь из того продукта, который всегда имелся под рукой: из ржи или пшеницы. Процесс перехода к производству спирта ускорила демонстрация в 1386 году в Москве генуэзским посольством изобретения алхимиков Прованса – аквавиты (винного спирта).

В этот же период в производстве медового алкоголя преобладающим становится медоварение. Усовершенствование этого процесса сказывалось и на технологии пивоварения, что в конце концов привело к возникновению винокурения, которое к началу XVI века было достаточно широко распространено.

Благодаря технологическому прорыву, появилась возможность получать алкоголь быстрее и с меньшими затратами. На северо-западе Руси начали повсеместно открываться корчмы – древнейшие русские питейные заведения. В них всегда можно было и поесть, и попить в свое удовольствие. Постепенно братчины из сельских изб или из-под открытого неба переключались под крышу корчмы. Рождалась более совершенная система потребления алкоголя, главной особенностью которой стало упрощение доступа к выпивке. Теперь, чтобы отпраздновать то или иное событие, не было нужды заранее сообщать гостям о пире, заниматься заготовками, совместной варкой питья в огромных котлах и пр. Достаточно было зайти в корчму и заплатить хозяину за обед. Между желанием и достижением желаемого исчезла пропасть множества промежуточных дел. Более того, если раньше выпивка неизбежно носила массовый, общинный характер, а значит, строго регламентировалась и контролировалась пировым сообществом, то теперь она перешла в разряд индивидуальных занятий, а значит, стала выходить из-под контроля старорусских общинных традиций.

Массовое увлечение народа потреблением алкоголя в корчмах не могло не натолкнуть государство на соображение о новых источниках пополнения казны. Как справедливо считается, переломным годом в истории отечественного пьянства явился 1552 год. Иван IV Васильевич, вернувшись из похода на Казань, учредил тогда в Москве новый тип питейного заведения – кабак. Слово «кабак» было заимствовано у татар, у которых оно означало постоялый двор, где продавались кушанья и спиртные напитки. Однако на Русь кабак пришел с некоторыми отличиями. Иван Грозный запретил в Москве продавать водку, позволив пить ее одним лишь опричникам. Именно для них и был построен специальный дом для выпивки – кабак. Правда, особенностью новшества стало то, что в кабаке нельзя было поесть. Вскоре царь Иван настолько полюбил кабаки, что приказал повсеместно закрывать корчмы и учреждать государственные кабаки, а при них – поварни, в которых готовили хлебное вино, пиво и мед. Царевы кабаки

либо отдавались на откуп боярам с фиксированной в договоре суммой ежегодных выплат в казну, либо содержались кабацкими головами и «верными целовальниками» (сборщикам на «вере»), которые обязаны были сдавать в казну весь годовой доход питейного заведения «с прибылью против прежних лет». Откупная система и продажа на «вере» стали началом винной монополии на Руси. Государство начинало получать доход от производства и продажи водки. По свидетельству современников, он составлял от 800 до 3000 рублей в год – немалые деньги для того времени в государственном масштабе³³.

Однако замена корчмы (место кушанья и выпивки) на кабак (место одной только выпивки) не могла не сказаться на росте массового пьянства. С этого момента пьянство стало частью социальной жизни народа. При этом домашнее производство алкоголя преследовалось, хотя отдельным социальным слоям (боярам, дворянам, приказным и служилым людям) позволялось варить питье «про себя», для домашнего употребления, но не для продажи. В противном случае это считалось государственным преступлением. Всем прочим городским и сельским жителям запрещалось изготавливать алкоголь даже для домашнего использования.

Правда, в условиях развития системы кормлений, когда бояре «на откуп» получали земли, от которых им шел доход, в этих землях, или кормлениях, они могли устраивать свои собственные кабаки. Так наравне, с царскими кабаками, стали появляться кабаки боярские. Более того, церковь, которая отличалась определенной экономической независимостью от государства, также курила вино и торговала им. Даже в начале XIX века духовенство ходатайствовало о своем праве держать кабаки³⁴.

В XVII веке, когда бок о бок существовали запрет на частное производство алкогольной продукции и развитая система откупов, в Уложении 1649 года установлены были новые жестокие наказания за корчемство (штраф от 5 до 20 рублей, битье кнутом и пытки). Церковь, вторившая властям, назвала корчемство грехом, по поводу которого священнослужители стали спрашивать кающихся: «На корчме не пивал ли? И друга без памяти не упивал ли? Обещаешься ли потом тех не творить?»³⁵ Но, по большому счету, любителям выпить было безразлично, государево или частное вино вводило их в вожделенное состояние, и пьянство процветало вне зависимости от перипетий борьбы государственного и частного промысла.

Вынесенное из сельской местности, оторванное от древней земледельческой традиции питье в городском кабаке еще пуще провоцировало падение нравов. Многих иностранных гостей поражало присутствие на улицах Московии пьянства и блуда. Не то чтобы русские в этом отношении были первооткрывателями или могли удивить иностранцев чем-то новым. Но, привыкшие к распутству тайному, закулискому, чувствительные католические души заморских гостей бывали травмированы доступными всеобщему обозрению сценами из повседневной уличной жизни, сдобренными вином и «срамным фольклором». Одним из таких впечатлительных наблюдателей был голштинский дипломат Адам Олеарий, который, наслушавшись в кабаках песен с гомосексуальной и скотоложеской тематикой, вынес нелестный для всех русских вердикт: «Пьянству они преданы более, чем какой-либо народ в мире. «Брюхо, налитое вином, быстро устремляется на вожделение»... Напившись вина паче меры, они, как необузданные животные, устремляются туда, куда их увлекает распутная страсть»³⁶.

Однако и власти начинали все больше беспокоиться по поводу растущего пьянства. Оно становилось социальным бедствием, против которого государство пыталось провести ряд мер. Так, 11 августа 1652 года в Москве состоялся «Собор о кабаках». В результате была уничтожена откупная система, введена регламентация продажи вина, а кабаки были переименованы

³³ Такала И. Р. Веселие Руси. М., 2002. С. 38.

³⁴ Прыжов И. Г. Указ. соч. С. 72.

³⁵ Вопросы поселянам // «А се грехи...» С. 102.

³⁶ Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно // Там же. С. 140.

в кружечные дворы. Однако вскоре, в 1664 году, откупа были вновь восстановлены, а смена названия питейного заведения не изменила его сущности, поэтому пьянство как социальный порок продолжало в Московии развиваться.

В дальнейшем, вплоть до XIX века, чехарда с откупной системой не прекращалась. В 1681 году правительство Федора Алексеевича запретило откупа, сделало торговлю алкогольной продукцией строго государственным приоритетом; в 1705 году Петр Алексеевич возвратил откупа, сохранив при этом и прежнюю систему продажи на «вере»; в 1716 году было введено свободное винокурение и обложение всех винокуров пошлиной. Государство пыталось заработать не за счет монополии, а за счет налогов с частного винокуренного производства. В XIX веке откупная система развивается, растет и частное винокурение, что, в свою очередь, приводит к общественным трезвенническим движениям.

Петр I и Ивашка Хмельницкий

Свобода винокуренного производства в эпоху Петра объясняется и чрезвычайно «веселыми» нравами двора, в первую очередь, самого самодержца. Русский царь, способный весь день провести на верфях с топором в руках, к вечеру нуждался в отдыхе. Однако отдыхать Петр любил своеобразно – в шумном кругу пьяных собеседников, от которых требовал откровенных разговоров, не допуская никаких ссор, брани, хвастовства. Петр учредил даже систему наказаний: провинившегося тотчас заставляли «пить штраф» – опорожнить бокала три вина или одного «орла» (большой ковш), чтобы «лишнего не врал и не задирал»³⁷. Кутежи могли затягиваться на несколько дней. При этом царь периодически уходил поспать, строго-настрого запрещая гостям расходиться в его отсутствие, а через часок-другой возвращался бодрый и готовый приняться за веселие с новой силой.

В.О. Ключевский так описывал традиционные попойки в Летнем саду, куда Петр любил приглашать все высшее общество столицы и радушно потчевать его за простыми столиками на деревянных садовых скамейках: «Его хлебосольство порой становилось хуже демьяновой ухи. Привыкнув к простой водке, он требовал, чтобы ее пили и гости, не исключая дам. Бывало, ужас принимал участников и участниц торжества, когда в саду появлялись гвардейцы с ушами сивухи, запах которой широко разносился по аллеям, причем часовым приказывалось никого не выпускать из сада. Особо назначенные для того майоры гвардии обязаны были потчевать всех за здоровье царя, и счастливым считал себя тот, кому удавалось какими-либо путями ускользнуть из сада»³⁸.

Весьма серьезным испытанием для здоровья царского окружения становился спуск на воду очередного корабля. В этом случае Петр не жалел на «обмывку» никаких денег. Попойка прекращалась только тогда, когда генерал-адмирал Апраксин впадал в беспамятство, а военный министр светлейший князь Меншиков бездыханным валился под стол. Не раз его жизнь спасала жена Даша, вовремя прибегавшая приводить супруга в чувство.

Как ни странно, из всего петербургского общества на подобных попойках естественнее всего себя чувствовали духовные лица. Даже современники-иностранцы отмечали, что самыми пьяными из гостей всегда были служители церкви. Петр не отличался набожностью. Упразднив патриаршество и заключив церковь в рамки государственной коллегии, он от всех слоев требовал одинакового себе подчинения и немедленного выполнения любых распоряжений. Духовные лица в этом смысле не составляли исключения. В них монарх видел обыкновенных своих слуг, почему и превратил служителей церкви в обычных чиновников, государевых служилых людей, что впоследствии отрицательно сказалось на авторитете православной церкви

³⁷ Ключевский В. О. Исторические портреты. М., 1990. С. 180.

³⁸ Там же. С. 182.

среди русского населения и усилило духовный раскол в обществе. Известное противостояние старообрядцев и Петра также может быть рассмотрено в связи с «пьяным вопросом». Безобразные массовые царские попойки, ставшие притчей во языцех, вызывали резкое неприятие среди непьющих старообрядцев. Периодические загулы двора порождали аналогии с языческими варварскими празднествами, и в этом смысле раскольники продолжали традиционную борьбу русской церкви с пьяным веселием как пережитком языческих времен.

Сам же Петр, снявший голову православия – патриаршество, воспринимался в лучшем случае как царь-язычник, в худшем – как антихрист. Старообрядцы стали первой социальной группой, более или менее организованно и массово выступившей против государственной политики Петра, в том числе против введения в обычай безобразных попоек. Это позволяет, с некоторыми оговорками, считать, что трезвенническое движение началось в среде старообрядческих общин петровской эпохи.

Царь любил работать на совесть и на износ отдыхать. В кругу петровской компании установился даже своеобразный «сленг».

А. Меншиков, Ф. Апраксин, А. Вейде и другие в письмах Петру частенько упоминали о встречах с Ивашкой Хмельницким – русским Бахусом, – которые заканчивались тем, что участники подобных «баталий» «принуждены были силу свою потерять и от того с полуночи по домам бежать». Когда у Петра родился наследник, генерал-фельдмаршал Б. Шереметев в письме царю описал устроенное в честь такого события веселие на военном совете, с участием генералов Репнина, Лесси, Шарфа и других: «И умысля над нами Ивашко Хмельницкой, незнано откуда прибыв, учал нас бить и по земле волочить, что друг друга не свидали. И сперва напал на генерал-маеора Леси, видя его безсильна, ударил ево в правую ланиту и так ево ушиб, что не мог на ногах устоять. А потом генерала маеора Шарфа изувечил без милости... Репнин хотел их сикуровать и тот – Хмельницкой воровски зделал, под ноги ударил – и на лавку не попал, а на землю упал. И я з Глебовым, видя такую силу, совокупившись, пошли на него, Хмельницкого, дескурацией и насилу от него спаслися, ибо, по щастию нашему, прилучилися дефилие надежные. Я на утрее опамятовался на постели в сапогах без рубашки, только в одном галстухе и парике. А Глебов ретировался под стол и, пришедши в память, не знал, как и куда вытить»³⁹.

Тягостные воспоминания у современников оставило семидневное празднование окончания Северной войны. Гости оказались заключенными в здании Сената, где проходили костюмированные торжества и стены которого разрешалось покидать только самому Петру. Большинство гостей очень скоро устало от перманентной попойки, носившей обязательный характер. За уклонение от этой «праздничной повинности» назначался даже штраф в 50 рублей, поэтому истинную радость у гостей вызвало окончание «служебного веселья», когда все получили возможность наконец-то разойтись по домам.

Одной из важнейших реформ Петра стала административная реформа по реорганизации политической структуры государства. Петр заменил старые приказы новыми коллегиями (прообразами современных министерств). Всего было создано 11 коллегий, а также два учреждения на правах таковых – Главный магистрат и Синод (духовная коллегия). При этом в исторической литературе обойден вниманием факт создания Петром самой первой «коллегии» – «коллегии пьянства», или «сумасброднейшего, всешутейшего и всепьянейшего собора», который начал действовать еще в конце 90-х годов XVII века. Председателем собора был назначен шут с титулом «князь-папа», или «всешумнейший и всешутейший патриарх московский, кокуйский и всея Яузы». При нем состоял конклав в 12 кардиналов, отъявленных пьяниц и обжор, с огромным штатом таких же епископов, архимандритов и других духовных чинов с чрезвычайно язвительными и непристойными прозвищами. Петр получил в этом соборе сан протодьякона и соб-

³⁹ Цит. по: *Павленко Н.И.* Птенцы гнезда петрова. М., 1989. С. 48.

стенноручно написал устав, в котором до мельчайших подробностей были определены чины избрания и поставления папы, рукоположения на разные степени «пьяной иерархии». Главной заповедью коллегии было напиваться ежедневно и не ложиться спать трезвым. Был разработан строгий порядок «пьянодействия» как «служения Бахусу и честного обхождения с крепкими напитками», существовали свои молитвы и песнопения. По примеру того, как в русской церкви спрашивали принимавшего крещение: «Веруешь ли?», так и в этом соборе новому члену задавали вопрос: «Пиеси ли?» Грешников, то есть людей, заподозренных в трезвенническом образе жизни, отлучали от всех кабаков в государстве⁴⁰.

Не стеснялся Петр демонстрировать деятельность своего собора и при иностранных гостях. В 1699 году во время масленицы на одном из придворных обедов царь решил устроить служение Бахусу. Патриарх и князь-папа Никита Зотов пил и благословлял преклонявшихся перед ним гостей, осеняя их сложенными накрест двумя чубуками. Затем, изрядно напившись, пустился в пляс, не выпуская из рук своего посоха. Один из иностранных послов не смог вынести такого тягостного зрелища, напоминавшего языческие оргии, и покинул обед.

Но священнодействия собора, или «коллегии пьянства», происходили не только в дворцовых стенах. Петр во всем любил размах и потому частенько на святках Москву или Петербург всю ночь сотрясали смех и крики нескольких сотен человек, во главе с шутовским патриархом, с жезлом и в жестяной митре славившем Ивашку Хмельницкого. По несколько раз за ночь веселая компания могла вваливаться в дома, чьим хозяевам вменялось их угощать и платить за славление. Случалось, что на первой неделе поста устраивались «покаянные» процессии: на ослах и волах или в санях, запряженных свиньями, медведями и козлами, в вывороченных полушубках выезжал полным составом «всепьянейший собор», на радость голытьбе и на позор русским духовным лицам.

Несмотря на пьяные оргии властей, Петру удавалось не только успешно вести войну со Швецией и Турцией, жестоко подавлять любые внутренние недовольства, но и проводить важнейшие реформы в области государственного управления. Правда, перманентные пьянки, во время которых и вершилась часть великих реформ, очень скоро обернулись тяжелейшим похмельем послепетровского времени и косвенно сказались на ослаблении центральной власти, росте казнокрадства, зарождении фаворитизма и т. п. Та самая бюрократия, что появилась при Петре и была призвана усилить центральную власть, выросла на традициях придворного веселья и впоследствии оказалась неспособной заложить основу четкого и законного функционирования государственной машины.

В следовавшую за петровским временем эпоху дворцовых переворотов придворное веселье продолжало играть значительную роль. Уже при Анне Иоанновне содержание двора стало обходиться впятеро-вшестеро дороже, чем при Петре, хотя государственные доходы сократились; нескончаемой вереницей потянулись балы и маскарады при Елизавете, правившей, по выражению Ключевского, в «позолоченной нищете». «Мать Отечества» Екатерина II, стремившаяся во что бы то ни стало поразить воображение иностранцев придворной роскошью, финансовую политику строила на базе питейного дохода, который был увеличен почти втрое и к концу века составлял почти третью часть всего бюджета. Значение питейного дохода в казне было сопоставимо со значением питания в придворном быту.

Относительная свобода винокурного производства петровского времени впоследствии ограничивалась расширяющейся государственной монополией. Граф П.И. Шувалов, изыскивая средства для утех Елизаветы Петровны, решил увеличить доходы казны от винных откупов. А чтобы частная инициатива не стала препятствием на этом пути, Шувалов «учредил род инквизиции, изыскивающей корчемство, и обагрил российские области кровию пытаных и сеченных кнутом, а пустыни сибирские и рудники наполнил сосланными в ссылку и на

⁴⁰ Ключевский В.О. Указ. Соч. С. 184.

каторги»⁴¹. Так что на Руси не только вольнолюбцы ощущали на своих плечах тяжелую десницу государства, но и «винолюбцы» слагали головы в борьбе за «зеленого змия». Позже те и другие стали пополнять отдаленные казенные места Российской империи, перемешиваясь между собой и приближая времена, когда воля уже не мыслилась без достаточного количества вина, а твердость убеждений часто измерялась в принятых вовнутрь «градусах».

В непосредственной близости с придворными банкетами, празднествами и попойками находились и морально-нравственные изменения в жизни общества. В первую очередь они были связаны с половым вопросом. Князь М.М. Щербатов, прозванный «блюстителем нравственности», в записке «О повреждении нравов в России» негодовал, что любострастие захватило и двор, и семьи простых дворян – «пьянство, роскошь, любоддеяние и насилие место прежде бывшего порядка заступили»⁴². Тон задавали сами русские императрицы. Н.И. Павленко отметил, что «Анна Иоанновна за 10 лет царствования довольствовалась одним фаворитом, Елизавета Петровна за 20 лет – двумя, Екатерина II за 34 года – более чем двумя десятками. Следовательно, чем ближе к концу столетия, тем распушеннее становился двор»⁴³. В то же время Ключевский еще в отношении Елизаветы Петровны писал о придворном «флирте, флирте без конца»⁴⁴. В этом смысле гендерные особенности послепетровского правления только усугубляли тягу к придворному веселию, становились причиной нравственного упадка. Если при Иване Грозном пьянство стало недугом общества, то с Петра Великого оно превратилось в болезнь политической верхушки.

Рождение русской водки

Уже отмечалось, что винокуренное производство началось на Руси примерно в XV веке. Предположительно, именно в Московском княжестве существовали наиболее благоприятные материальные предпосылки для его появления. В то же время термин «водка» в русском языке встречался и ранее. Изначально он употреблялся в качестве уменьшительного от слова «вода» (как диминутив). Даже толковый словарь В.И. Даля, составленный на лексическом материале, собранном до 60-х годов XIX века, не включал слово «водка» как самостоятельное, хотя и давал его современное значение в статье о вине. Только в словарях конца XIX – начала XX века слово «водка» окончательно определяется как крепкий спиртной напиток. Это позволяет сделать вывод, что до этого времени слово «водка» в значении крепкого спиртного напитка, хотя и было известно в народе, широкого распространения не имело.

В. Похлебкин отмечает, что слова «водка» в значении «вода» до XII века в славянском языке не существовало. По его мнению, это исконно русское слово (если принять во внимание тот факт, что в процессе складывания украинского национального языка в него приходили другие суффиксы и окончания) и образовалось оно в момент формирования русского национального языка (не ранее XIV века)⁴⁵.

С XV века в фольклорные произведения входит термин «зелено вино», который обозначает не что иное, как хлебное вино или хлебный спирт. «Зелено вино» выступает первым названием хлебного спирта, синонимом слова «водка», вошедшего в словарь русского народа позднее. Бытовали и другие названия, обозначавшие хлебный спирт: «перевар» (сер. XIV века), «корчма» (с XV века, помимо названия питейного заведения имел значение водки домашнего приготовления), «куренное вино» (1479 год), «горящее вино» (1653 год, впоследствии от

⁴¹ Щербатов М.М. О повреждении нравов в России // «А се грехи злые, смертные...» С. 209.

⁴² Там же. С. 193.

⁴³ Павленко Н.И. Храм порока // Там же. С. 628.

⁴⁴ Ключевский В.О. Указ. Соч. С. 261.

⁴⁵ Похлебкин В.В. Указ. соч. С. 60–61.

него и образовалось официально принятое украинское название водки – «горилка»), «русское вино» (1667 год, термин часто фигурировал в официальных внешнеторговых документах) и др. В XVIII веке употреблялось словосочетание «петровская водка», обозначавшее вино чрезвычайно низкого качества, тот самый самогон, которым любил злоупотреблять сам царь. Тут слово «водка» выступало также не в своем самостоятельном значении, как название хлебного спирта, а как презрительно-уничижительное от слова «вода» («водка», «водчонка»)⁴⁶. Чуть позже появились другие термины, обозначавшие хлебное вино такого же низкого качества, – «сивак» или «сивуха», «перегар».

Что касается термина «водка», то он впервые упоминается в 1533 году в новгородской летописи для обозначения лекарственной спиртовой настойки. Особенность ее была в том, что двойной спирт разводился (отсюда и связь хлебного спирта с водой, закрепившаяся в названии «водка»). Этот технологический прием был вообще свойственен русскому винокурению, уходившему корнями в церковную традицию разбавления водой виноградного вина (эта традиция, в свою очередь, пришла из Греции). Тем не менее в XVI веке под «водкой» имели в виду не столько напиток, вино, сколько лекарство. Но в середине XVII века термин «водка» встречается уже для обозначения напитка, отличавшегося от виноградного вина. В следующем столетии слово «водка» впервые начинает употребляться официально в значении напитка. 8 июня 1751 года был издан Указ Елизаветы «Кому дозволено иметь кубы для движения водок», однако официальным названием русского хлебного вина оно так и не стало. Русский врач и естествоиспытатель Н.М. Максимович-Амбодик в 1783 году ввел в оборот три термина для обозначения достаточно разных спиртных напитков: «водки перегнанные», «водки настоянные», «водки сладкие». В XIX веке термин «водка» избавился от первоначального жаргонного оттенка и вошел в официальное употребление, правда, окончательно так и не было точно определено, что же это за напиток.

Лишь с конца XIX века, благодаря усилиям великого русского ученого Д.И. Менделеева, ставшего создателем современной технологии изготовления водки, было решено подлинной водкой (московской) считать лишь такой продукт, который представляет собой зерновой (хлебный) спирт, перетроенный и разведенный затем по весу водой точно до 40°. Этот, менделеевский, состав водки и был запатентован в 1894 году правительством России как русская национальная водка – «Московская особенная»⁴⁷.

* * *

Хмельные напитки являются частью мировой культуры, а способы их употребления зависят от климатических, исторических и прочих условий, в которых проживают народы. Отечественная история питья не отягощена какими-либо крайностями или чрезмерным значением алкоголя в общественной жизни. Хмель выполнял достаточно сложную ритуальную, коммуникативную функцию, позволял во время застольной беседы создать благодушное настроение среди сотрапезников, снимал психологическое напряжение гостей и помогал разрешать конфликты.

Переход к относительно массовому производству алкоголя в XV веке, появление корчмы как места коллективной и индивидуальной еды и питья заставили государство обратить внимание на возможные новые источники дохода казны. Создание и развитие кабака совпало с началом пьянства как социальной проблемы, неизвестной дотоле на Руси.

Общество неоднократно бросало властям обвинения в спаивании народа. С конца XIX по конец XX века они периодически звучали в средствах массовой информации, являясь чаще

⁴⁶ Там же. С. 189.

⁴⁷ Там же. С. 226.

всего политической игрой. Да и государство, в свою очередь, прикрываясь заботой о народной трезвости, вводило жесткий запрет на винокурение, преследуя, на самом деле, лишь экономические цели. При этом в истории XX века были моменты, когда массовое пьянство достигало размеров национальной эпидемии, способной уничтожить и общество, и государство.

Обо всех перипетиях этой сложной проблемы в ушедшем XX веке – в последующих главах нашей книги.

І. Винная монополия

Глава 1

Пьяный бюджет, или стратегия национального пьянства

И.Б. Орлов

Предыстория вопроса: откупа – акцизная система – питейная монополия

Введение государственной питейной монополии стало первой реформой, принесшей известность министру финансов графу С.Ю. Витте (1892–1903). Несмотря на большую загруженность, он уделял ей колоссально много времени. Более того, Витте пытался всегда лично ознакомиться с ходом реализации реформы, посещая губернии, казенные винные лавки, винокуренные заводы и очистительные склады. Огромное количество циркуляров Министерства финансов по вопросам питейной монополии свидетельствует о серьезнейшем отношении и детальнейшей проработке этого вопроса. Тем более удивительно, что ее результаты оказались достаточно скромными.

И это при том, что питейная реформа была освящена авторитетом самодержавной власти. Ведь идея винной монополии, по утверждению графа, принадлежала самому Александру III, которого «крайне мучило и смущало» пьянство народа⁴⁸, принявшее такой размах, что русскому мужику не хватало суток для пьянства, отчего нередко в жертву Бахусу приносилось и рабочее время.

Следует указать, что роковую роль в спаивании населения сыграла замена в 1765 году государственной винной монополии откупной системой, суть которой сводилась к следующему: для увеличения сборов в казну от торговли алкоголем правительство отдавало ее на откуп частным лицам. Откупа (иногда целыми уездами и губерниями) давали наиболее энергичным и жестоким людям, исходя из того, что они, заплатив государству заранее установленную сумму, а не собирая ее постепенно в результате розничной торговли водкой, сами найдут способ получить с народа деньги. То есть по договору с правительством откупщик обязывался платить в казну установленную плату за каждое выкупленное у государства ведро водки, а взамен получал монопольное право на ее продажу на определенной территории. При этом, стремясь подавить конкуренцию казенной водке, государство стало взимать высокий налог с производства пива и с пивных лавок. В результате пивоваренные заводы стали закрываться, а с 1845 года везде, кроме Петербурга и Москвы, были запрещены пивные лавки. В 1848 году в 19 губерниях страны не осталось ни одного пивоваренного завода. Тем самым структура потребления алкогольных напитков непоправимо ухудшилась – население от потребления преимущественно слабоградусных напитков (пива, браги и вина) перешло к потреблению крепких алкогольных напитков, главным образом, водки.

Со временем в руках откупщиков-монополистов, державших непомерно высокую цену на водку, стали концентрироваться огромные прибыли. Последнее обстоятельство не давало покоя правительству, желавшему увеличить доходы казны от ее продажи. В конце концов Александр II решился на реформу питейного дела. Введенная с 1 января 1863 года министром финансов М.Х. Рейтерном акцизная система сменила откупа в центральных великорусских губерниях и ограничила свободу в производстве и продаже вина в западной и южной частях

⁴⁸ *Vitte С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 1. С. 382, 384.

империи. Новая система действовала на следующих принципах: свобода производства спиртных напитков частными лицами, свобода торговли спиртными напитками, извлечение казной дохода путем обложения сырого спирта (акциз) и мест продажи спиртного (патентный сбор), правительственный надзор за производством и торговлей спиртными напитками в фискальных интересах⁴⁹.

Массовое промышленное производство водки в условиях свободной конкуренции и отмены монополии откупщиков привело к снижению ее цены, увеличению продаж и росту доходов казны от акцизных сборов. Только за один 1864 год потребление водки возросло почти в два раза. Особенно сильный рост пьянства в 1860-х годах обусловили такие факторы, как необыкновенная дешевизна водки, обилие мест ее продажи и отсутствие твердого надзора за питейной торговлей. Новая акцизная система уничтожила последние препоны к безграничному распространению пьянства. Продажа спиртных напитков распивочно и навынос превратилась в свободный торг, а новые кабаки росли, как грибы после дождя. Питейными домами становились даже овощные лавки.

При этом качество винно-водочной продукции практически всех российских фирм, в том числе, качество имевших большое распространение водок братьев Смирновых, было очень низкое. Такое заключение сделал в 1894 году Комитет по изучению качества «высших питей» во главе с Д.И. Менделеевым, организованный по инициативе Витте накануне развертывания в стране питейной монополии. До двух третей исследованных в лаборатории водок частных фирм были изготовлены из спирта-сырца и содержали метиловый спирт. Плохому качеству и фальсификации спиртного способствовали, с одной стороны, отсутствие каких-либо стандартов на выпускаемую продукцию, а с другой, – низкие потребительские требования.

Усиление алкоголизации общества в XIX веке отчасти было связано с началом промышленного производства дешевой картофельной водки, что сделало алкоголь в ряде регионов общедоступным. Картофельная водка получила широкое распространение в незерновых областях Европейской части России, прежде всего, в прибалтийских провинциях. В хлебных же областях водку делали преимущественно из зерна, а в Сибири – исключительно на ржаном спирте. Может быть, поэтому в Сибири проблемы алкоголизации населения не стояли так остро, как в Европейской части России. Распространению алкоголизма способствовала и давняя кабацкая привычка пить водку без закуски или почти без нее. Именно кабаки сформировали питейные стереотипы: «После первой не закусывают», «Чай не по нутру, была бы водка поутру» и т. п. Создавая атмосферу терпимости к пьяным людям, кабаки превратили выпивку в атрибут национального образа жизни.

Несмотря на то, что в течение 30 лет после введения акциза было издано более 10 законодательных актов, призванных оградить население от кабацкого промысла, все эти меры были малоэффективными. В 1864 году правительство предприняло некоторые усилия по сокращению мест продажи вина, но, в целом, законодательная практика никак не регламентировала их число. Акцизы контролировали лишь производство вина, а не его продажу. Хотя в 1885 году Советом министров был издан закон, по которому в большинстве местностей кабаки были заменены винной лавкой – заведением исключительно для выносной торговли, – это несколько не улучшило положение дела. В винных лавках, где господствовал частный интерес, так же спаивали и обирали население. Более того, из-за отсутствия развитой стекольной промышленности идею розничной бутылочной торговли не удалось воплотить в жизнь. Появившиеся трактирные заведения низшего разряда, где торговали преимущественно водкой с распитием ее на месте и где можно было купить закуску, дабы понизить вероятность быстрого опьянения, во многом напоминали прежние кабаки. Несмотря на принятые с 1888 года меры по улучшению качества вина (в частности, закон от 2 июля этого года установил сложение акциза за отбросы

⁴⁹ Казенная продажа вина / Под ред. Н.О. Осипова. СПб., 1900.С. 1, 5.

и потери по ректификации спирта), этот процесс продвигался весьма медленно. Весь ректификованный спирт или вывозился за границу, или потреблялся состоятельными клиентами, а простой народ продолжал пить водку холодной очистки, часто с вредными искусственными примесями, призванными устранить неприятный вкус или замаскировать слабость спиртового раствора⁵⁰.

В свое время Александр III предлагал министру финансов Н.Х. Бунге идею винной монополии, но последний счел это дело неисполнимым и даже безрезультатным. Император обратился и к предшественнику Витте на посту министра финансов И. А. Вышнеградскому, но тот также уклонился от изучения этого вопроса. Видимо, винная монополия задевала интересы слишком большого и влиятельного (в том числе, при дворе) круга людей. К 1894 году в России было 2097 винокуренных, 1080 пивоваренных и 381 ректификационный завод, 3960 оптовых складов и 12 961 заведение для «раздробительной торговли» спиртом. Всего в этот бизнес было вовлечено до 140 000 семейств. Неслучайно главное затруднение при введении питейной монополии встретилось тогда, когда пришлось вводить ее в Петербурге, где поднялись все акулы питейного дела. Заинтересованные в питейных доходах оказывали давление на великого князя Владимира Александровича, не стесняясь пугать его возможным восстанием. Была и еще одна, весьма обширная, группа «лоббирования» существующей системы: сельские общества и некоторые землевладельцы получали от виноторговцев плату за разрешение питейной торговли на их земле. Хотя до издания закона от 5 мая 1892 года сельские общества не имели официального права на получение этой платы, они тайно получали деньги, которые частью пропивались, а частью шли в руки сельским старостам и волостному старшине⁵¹.

Александр III рассчитывал на молодость, решительный характер и личную преданность Витте, поручая ему проведение столь непопулярной меры. После принципиального одобрения императором 19 февраля 1893 года учреждения винной монополии в мае этот вопрос был вынесен на рассмотрение Государственного Совета. Обсудив все вопросы, связанные с питейной реформой, Госсовет признал необходимым ее проведение в жизнь, поскольку «только государством... может быть выдвинут на первый план вопрос о народной нравственности и народном здравии»⁵². Главными целями реформы были: 1) устранение вредного влияния употребления вина на нравственность народа путем изменения формы торговли вином (продажа вина из казенных лавок исключительно навынос и сокращение числа заведений трактирного типа); 2) обращение в казну прибыли виноторговцев в результате сосредоточения торговли спиртом и вином в руках правительства; 3) укрепление здоровья народа путем предоставления ему доброкачественных напитков, полученных очисткой вина химическим способом; 4) уменьшение пьянства посредством предоставления народу облагораживающих развлечений специально создаваемыми попечительствами о народной трезвости⁵³.

Другими словами, вводя винную монополию, исходили из того, что пьянство не находится в прямой зависимости от потребления алкоголя и может существовать и при малом его потреблении. Поэтому было принято решение взять в руки Казны ректификацию спирта (частью на казенных заводах, а частью на частных, но под надзором государства), а очистку вина производить только в казенных складах. Преследовалась цель по возможности полностью уничтожить места распивочной торговли и сделать потребление алкоголя домашним, чтобы поставить его под контроль семьи. С другой стороны, в качестве замены кабака как места общения предполагалось устраивать чайные, столовые и читальни, где простой народ мог бы свободно общаться.

⁵⁰ Там же. С. 9, 12.

⁵¹ Там же. С. 17–18.

⁵² Вестник финансов. 1893. № 26. С. 606.

⁵³ Зайцева Л.И. С.Ю. Витте и Россия. Ч. 1. Казенная винная монополия. 1894–1914 (По научным публикациям и архивным материалам конца XIX – начала XX века). М., 2000. С. 32–33.

Винная монополия: механизм и география

Существование питейной монополии с 1895 по 1914 год можно условно разделить на три периода. Если в 1895–1898 годы система устанавливалась, то в период до 1904 года происходило утверждение питейной монополии по всей стране. Уход Витте с поста министра финансов открыл третий период функционирования винной монополии, который, как и сама монополия, закончился 2 августа 1914 года, когда правительство России издало указ о приостановлении продажи вина на период войны и о сосредоточении всего производства этилового спирта для технических нужд фронта и медицинских целей.

Проведение питейной реформы решили начать в виде эксперимента с 1 января 1895 года на территории четырех достаточно обособленных заволжских губерний (Пермской, Уфимской, Оренбургской и Самарской), где влияние частных виноторговцев было наибольшим. «Положение о казенной продаже питей» от 6 июня 1894 года устанавливало исключительное право казны на продажу спирта, вина и водочных изделий (на казенных складах и в винных лавках), тогда как производство крепких спиртных напитков разрешалось и частным лицам. Однако частные заводы обязывались приобретать спирт только от казны. Ввоз алкоголя в районы его казенной продажи разрешался частным лицам в объеме не свыше 1/10 ведра. «Положение...» ограничивало также места продажи спиртного, содержавшиеся частными лицами: оптовые склады пива, меда и русского виноградного вина; заведения трактирного типа; пивные лавки; погреба для продажи русских виноградных вин; ренские погреба; временные выставки для продажи пива, меда и русского виноградного вина. При этом питейные заведения могли открываться не ближе 100 саженей от усадебной оседлости сельских обществ и владельцев, которые будут ходатайствовать о недопущении питейной продажи на их землях⁵⁴.

Следует заметить, что противоречивость оценок питейной реформы С.Ю. Витте во многом вызвана непониманием целей и динамики последней. В большинстве публикаций о реформе и деятельности Витте главной и определяющей задачей введения винной монополии всегда выдвигалась и выдвигается до сих пор задача фискальная. Конечно, при этом признается существование и других соображений, но все они рассматриваются как незначительные и несерьезные по сравнению с целями фискала. Например, Г.М. Клейнов, издавший в 1906 году брошюру о Витте, считал, что министр финансов совершенно извратил идею введения винной монополии, принадлежавшую бывшему Екатеринославскому губернатору В.К. Шлиппе: «Шлиппе, однако, имел в виду этим поднять сельское винокурение и, кроме того, преследовал филантропические цели. Витте же узрел в этой идее лишь новый источник доходов; он стал проводить ее в исполнение исключительно лишь с этой точки зрения, совершенно пренебрегая жизненными интересами сельского населения»⁵⁵. Другой оппонент министра финансов, И.Ф. Цион, в статье с весьма характерным названием «Куда временщик Витте ведет Россию?» так оценивает реформу: «Давать мужику и рабочему лучшую водку? Зачем? Достаточно откупить у кабачников их провизии, да и наскоро поручить новым чиновным продавцам при помощи нескольких старых реторт приготовить новый яд»⁵⁶. Спустя почти столетие им вторит Л.М. -Кокин: «Что ни говорилось бы об этом впоследствии (Сергеем Юльевичем в том числе), дескать, мера была введена ради уменьшения народного пьянства, – перво-наперво она приносила доход. Споры нет, открыли столько-то чайных взамен кабаков, и комитеты народной трез-

⁵⁴ Соколов С.И. Казенная продажа питей. Законоположения и правительственные распоряжения по казенной продаже питей. Изд. 2е. СПб., 1897. С. 1–9.

⁵⁵ Клейнов Г.М. Граф С.Ю. Витте. Пер. с нем. СПб., 1906. С. 15.

⁵⁶ Цион И.Ф. Куда временщик Витте ведет Россию? // Сергей Юльевич Витте в публикациях современников (к 150-летию со дня рождения). М., 1999. С. 29.

ности зашевелились, и улучшилась пригодность питья, только в море водки, залившей Россию, было все это каплей. Не больше. А главное, если не лицемерить, заключалось в выручке для казны, в пьяном бюджете...»⁵⁷.

Вызывали вопросы и темпы проведения реформы. Если для К.С. Добровольского «мудрое правило, примененное графом Витте о постепенности проведения реформы», было неоспоримым⁵⁸, то у многих современников вызвала сомнения целесообразность быстрого расширения географии винной монополии⁵⁹. Анализ документов Государственного Совета показывает, что уже с 1 июля 1896 года, не дожидаясь результатов опыта заволжских губерний, винная монополия была распространена на девять юго-западных губерний: Бессарабскую, Волынскую, Екатеринославскую, Киевскую, Подольскую, Полтавскую, Таврическую, Херсонскую и Черниговскую.

С 1 июля 1897 года казенная монополия была введена в шести северо-западных губерниях: Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Минской и Могилевской, – а также в Смоленской губернии. С 1 января 1898 года питейная реформа была распространена на территорию десяти губерний Царства Польского (Привисленского края), четырех губерний Северного края (Санкт-Петербургской, Новгородской, Псковской, Олонецкой) и в Харьковской губернии. Таким образом, в течение 1895–1899 годов реформа охватила 35 губерний, то есть почти половину европейской России.

Однако на этом процесс не завершился. С 1 июля 1900 года казенная продажа питей перекинулась еще на семь губерний (Курляндскую, Лифляндскую, Эстляндскую, Воронежскую, Курскую, Ставропольскую и Черноморскую) и на область Войска Донского. А с 1 июля 1901 года винная монополия была введена в Архангельской, Астраханской, Владимирской, Вологодской, Вятской, Казанской, Калужской, Костромской, Московской, Нижегородской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Тверской, Тульской и Ярославской губерниях и в Уральской и Тургайской областях. География реформы расширилась до 61 губернии и 3 областей. И, наконец, с 1 июля 1902 года винная монополия функционировала уже в 63 губерниях (к зоне казенной монополии добавились Тобольская и Томская губернии) и 8 областях (прибавились Терская, Кубанская, Дагестанская, Акмолинская и Семипалатинская)⁶⁰. Казенная монополия не распространялась только на Закавказье, среднеазиатские владения империи, Приамурскую и Камчатскую области. За период 1895–1903 годов было введено около 500 очистных складов, устроено свыше 30 000 казенных винных лавок, привлечено на службу около 65 000 человек⁶¹.

Экономический эффект не заставил себя долго ждать: уже в 1897 году, несмотря на расходы, связанные со строительством казенных винных складов и лавок, валовой доход от продажи водки составил 52 млн рублей. В дальнейшем эта прибыль неуклонно росла и ко времени ухода Витте с поста министра финансов достигла 365 млн рублей в год. В начале 1900-х годов доля питейного дохода составляла около 28 % всех обыкновенных бюджетных поступлений⁶². Тем не менее проблема увеличения доходов казны – вечная проблема государства – на фоне

⁵⁷ Кошкин Л.М. Покушения, или Золотая Матильда. М., 1998. С. 59–60.

⁵⁸ Добровольский К.С. К вопросу о народном пьянстве. М., 1914. С. 63.

⁵⁹ См., например: Народное хозяйство. 1900. Кн. VII. С. 12.

⁶⁰ См.: Соколов С.И. Указ. соч. С. 29, 37,41; Статистика по казенной продаже питей за 1899 год. СПб., 1902. С. 1; Статистика по казенной продаже питей за 1900 год. СПб., 1902. С. 1; Статистика по казенной продаже питей за 1901 год. СПб., 1903. С. 1; Статистика по казенной продаже питей за 1902 год. СПб., 1904. С. 1; Статистика по казенной продаже питей за 1903 год. СПб., 1904. С. 1.

⁶¹ Зайцева Л.И. Указ. соч. С. 38.

⁶² Витте С.Ю. Воспоминания... Т. 2. С. 589; Корелин А.П., Степанов С.А. С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М., 1998. С. 45.

экономического роста того времени не представлялась насущной. Ее можно было рассматривать как получение дополнительных, но не жизненно важных доходов казны.

Заключительный акт введения питейной монополии в стране планировалось провести 1 июля 1904 года (закон от 26 февраля 1901 года), распространив ее на Восточную Сибирь. Но 16 августа 1903 года Николай II отстранил С.Ю. Витте от обязанностей министра финансов, назначив на его место Э.Д. Плеске. В самом начале 1904 года произошло еще одно событие, коренным образом повлиявшее на питейную монополию. 27 января с атаки японских миноносцев русской эскадры на внешнем рейде Порт-Артура началась русско-японская война. Во многих областях Российской империи были введены ограничения на продажу «высших питей», тогда как в Енисейской и Иркутской губерниях, наоборот, питейная монополия с 1 июля 1904 года была только введена. С началом войны новый министр финансов В.Н. Коковцов несколько изменил направление монопольной политики, главным образом с точки зрения фиска. Речь идет о ценовой политике: «была назначена цена на вино, которая доступна всему населению, не разорительна для него»⁶³. Также почти вдвое было увеличено число винных лавок, результатом чего стал новый виток пьяного разгула.

Законодательное «дышло»

Декларируя в качестве главной цели реформы уменьшение народного пьянства, правительство не ставило «сверхцели» «общего отрезвления народа». Задача винной монополии была гораздо скромнее – установить внешние, законодательные преграды для пьянства⁶⁴.

Хотя винокуренная промышленность была оставлена в руках частника, для каждого завода, производившего винокурение из хлебных припасов и картофеля, были установлены лимиты.

Кроме того, до двух третей заготовки спирта в каждой губернии обязательно сдавалось в казну по установленным ценам, а оставшуюся часть можно было вывозить за пределы района казенной продажи. Законодательство оставляло и другие возможности для обходного маневра. Спирт в объеме двух третей годовой потребности района приобретался у местных винокуренных заводчиков района питейной монополии по фиксированным ценам, ежегодно устанавливаемым министром финансов. Остальной спирт покупали с торгов. Если торги срывались или заявленные на них цены оказывались достаточно высокими, спирт приобретали обычным способом. Подобная схема была введена для удешевления продукции винных складов.

Выносная торговля казенным вином разрешалась из ренсковых погребов с разрешения управляющего акцизными сборами по согласованию с губернатором (в 1898 году было дано 110 таких разрешений). Распивочная продажа казенного вина производилась в заведениях трактирного типа (трактирах, гостиницах и постоянных дворах) и в буфетах в запечатанной посуде по цене казенных винных лавок. Но одновременно разрешалась продажа вналив из графинов по вольной цене, но только в первоклассных ресторанах и гостиницах с разрешения министра финансов (в 1898 году таких заведений было 130). Также министр финансов разрешил ряду ренсковых погребов в Петербурге и в привисленских губерниях распивочную продажу (в 1898 году такое разрешение получили 37 погребов).

В местностях, где существовало собственное виноделие, в 1898–1900 годах была разрешена, в виде опыта, выносная торговля русским виноградным вином из фруктовых и мелочных лавок. Выносная торговля пивом не притеснялась, а открытие пивных лавок с распивочной продажей разрешалось по согласованию управляющего акцизными сборами с губернатором в городах и внегородских местностях, где по населенности, промышленному и торговому значе-

⁶³ Там же. С. 84.

⁶⁴ Там же. С. 83, 85; Казенная продажа вина... С. 19.

нию или «по привычкам населения» была надобность в таких лавках и не имелось сомнений, что они не превратятся в места спаивания населения. В губерниях, где вводилась казенная продажа питей, все водочные изделия частных заводов (только из ректифицированного спирта) допускались к продаже на комиссионных началах, то есть бралась комиссионная плата. Эти напитки, помимо казенных винных лавок, могли продавать те держатели частных мест продажи, которые получили разрешение на торговлю крепкими напитками⁶⁵.

Продажа крепких спиртных напитков разрешалась только в строго определенное время. Например, в обеих столицах и в крупных городах страны – с 7 часов утра до 10 часов вечера. В сельской местности торговля в апреле-августе начиналась в 10 часов и заканчивалась в 22 часа, а в остальное время – в 20 часов. В воскресные и праздничные дни в селениях продажа спиртных напитков велась в апреле-августе до 20 часов, а в зимнее время – только до 18 часов. В заведениях трактирного типа в городах спиртным торговали до 23 часов, а вне городов – до 22 часов. Нельзя было торговать крепкими напитками в пяток Страстной недели, в первый день Пасхи и в первый день Рождества Христова. Также запрещалась торговля во время сельских и волостных сходов, в период разбирательства в волостных судах (если заведение находилось менее чем в 250 сажнях от места схода или суда) и в местах расположения призывных участков⁶⁶. Хотя на практике, как мы это увидим ниже, все это зачастую нарушалось при явном попустительстве местных властей. Более того, существовали и другие возможности обходить винную монополию, например контрабандный ввоз вина из немонопольных губерний. Так, из Тобольской губернии в Пермскую водка завозилась дешевле на 2 рубля 40 копеек с ведра. Но чаще всего не вино ввозилось, а рабочий люд сам уходил пьянствовать «за границу»⁶⁷.

Стратегия № 1: русскому народу – качественное питье

С 1893 года большая группа ученых под руководством Д.И. Менделеева, ряд государственных деятелей и ведущих юристов во главе с А.Ф. Кони взялись за всестороннюю разработку системы эффективного государственного контроля над качеством спиртных напитков. В этих целях и был разработан известный 40-градусный водочный стандарт. Выбор стандарта крепости в 40° не был случаен. Научные изыскания Д.И. Менделеева свидетельствовали, что только сорок частей спирта по весу дают в растворе сбалансированную смесь гидратов. Только при такой вязкости раствора водка не будет ни водянистой, ни, наоборот, слишком крепкой.

По существу, введение стандарта на водку в 1895 году стало поворотным моментом в истории русской водки вообще. Дело в том, что в России до конца XIX века водкой считали настойки: как цветные (на травах и ягодах), так и перегнанные (ароматизированные и прозрачные). Если в водку добавляли сахар или другие сладкие вещества, она получала название «ратафия», если водку перегоняли несколько раз и получался крепкий (около 60 градусов) напиток, его называли «ерофеичем». В России старались не пить простой водный раствор спирта, предпочитая такие водки, как анисовая, березовая, вишневая, грушевая, дынная, ежевичная и многие другие. Старый русский алкогольный термин «горькое вино» означал водку, перегнанную с горьковатыми травами: полынью, почками березы, дуба, ивы или ольхи. Конечно, это не значит, что пили исключительно сдобренные вкусовыми или ароматическими веществами водки. Пили и простые водки, из спирта и воды, но это были самые дешевые и «не достойные» уважающего себя человека напитки.

⁶⁵ Там же. С. 40–45, 59, 63.

⁶⁶ Там же. С. 46–47; Добровольский К.С. Указ. соч. С. 1.

⁶⁷ Екатеринбургская неделя. 1895. № 43.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.